

275 ЛЕТ **РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

«...НАУКИ В ЛУЧШИЙ ЦВЕТ ПРИВЕСТИ»

*Выступление председателя Уральского отделения РАН
академика В. А. Черешнева на торжественном собрании,
посвященном 275-летию Российской Академии наук*

Глубокоуважаемые коллеги! Дорогие друзья!

По решению ЮНЕСКО из пятнадцати дат международного звучания на 1999 год три даты относятся к России, и все они связаны с Российской Академией наук.

Первая дата — 275 лет Российской Академии наук.

Вторая дата — 200 лет со дня рождения А.С. Пушкина.

Третья дата — 150 лет со дня рождения первого российского Нобелевского лауреата, академика, выдающегося физиолога Ивана Петровича Павлова.

Этим трем знаменательным событиям и будет посвящено мое выступление.

Итак, началось все 275 лет назад в Санкт-Петербурге. Идея создания Академии принадлежала Петру I. К ее осуществлению царь шел постепенно, настойчиво, с основательным обдумыванием многих деталей и серьезной подготовкой.

Академия наук в России возникла 8 февраля 1724 года. Именно в этот день Петр I подписал Указ о создании (прошу обратить внимание на название) Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, т. е. вы не видите пока в названии привычного «Российская Академия наук». Это и послужило поводом для некоторых последующих противоречий, о которых я скажу несколько позже. Итак, Указ был подписан. Указ, к которому Петр, по его собственному признанию, шел более 20 лет.

Дело в том, что в 1717 году Петр I был избран членом Парижской Академии наук, и в ответном благодарственном письме он писал, что тоже

мечтает создать в России свою академию, чтобы «...науки в лучший цвет привести». Петр побывал в Париже, в Германии, ознакомился с деятельностью Лондонского королевского общества, но не стал копировать ни одно из них. По его мысли, Академия предназначалась не для украшения политического здания Российского государства, а для удовлетворения нужды в науках, без которых нельзя было рассчитывать на процветание. Своеобразие петербургской Академии состояло в том, что она, во-первых, сразу же получила государственное финансирование и, во-вторых, объединила три учреждения, функционирующих в Западной Европе самостоятельно и независимо друг от друга, а именно — университет, гимназию и собственно Академию «как собрание ученых и искусных людей».

Как позже образно напишет М.В. Ломоносов: «Университет — друг, более того — единокровный брат Академии наук, который составляет с ней единую плоть и будет заодно с ней трудиться на пользу Отечеству... При Университете необходимо должны быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян».

Первым президентом был назначен врач, личный лейб-медик Петра I Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост — он пробыл на этом посту 9 лет. За прошедшие 275 лет сменились 24 президента. В 1748 году состоялось назначение первого русского президента Академии, им стал граф К.Г. Разумовский, который проработал на этом посту более полувека — 53 года.

В 1747 году принимается первый Устав, который выделил три тематических отделения Академии: физическое, математическое и гуманитарное. Спустя 8 лет, в 1755 году, гуманитарные науки были изъяты из Академии и переданы университетам.

В 1783 году Екатерина II отдала распоряжение о возвращении гуманитарных наук в Академию, но по предложению своей фаворитки княгини Е.Р. Дашковой не в Императорскую, а в новую, самостоятельную. Так была создана Российская Академия, основной задачей которой было составление словаря русского языка. Первым президентом ее назначается Е.Р. Дашкова. Эта Академия также избирала академиков, и в 1833 году избран академиком А.С. Пушкин. Она просуществовала до 1841 года, затем была упразднена. Часть ее членов вошла в состав петербургской Академии наук, в которой, наряду с Отделением исторических наук и философии, образуется Отделение русского языка и словесности.

Так можем ли мы считать А.С. Пушкина настоящим академиком Императорской Академии наук? Он был избран в академики в 1833 году, а ушел из жизни в 1837, причем большинство академиков Российской Академии были включены на равных основаниях в Императорскую Академию, т. е. если бы Пушкин был жив, он тоже стал бы членом Санкт-Петербургской Императорской Академии.

Время шло. В первые 200 лет существования Академии ее президенты назначались царем из числа знатных людей и лишь в XX веке президентов стали избирать из числа ученых-академиков.

В мае 1917 года, в связи с концом самодержавного управления Россией, Академия из Императорской Санкт-Петербургской была переименована в Российскую Академию наук (РАН), а первым избранным президентом стал выдающийся естествоиспытатель-геолог А.П. Карпинский. В последующие годы президентами избирались: биолог В.Л. Комаров, физик С.И. Вавилов, химик А.К. Несмеянов, математик М.В. Келдыш, физик

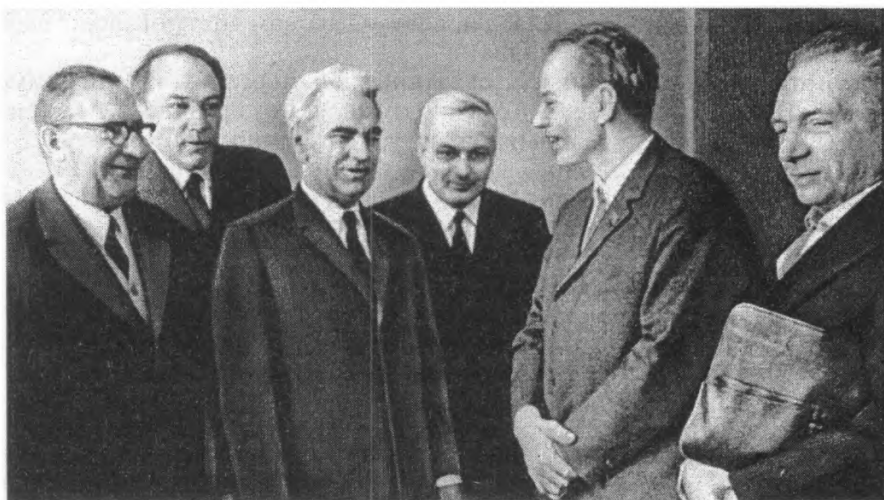
А.П. Александров, математик Г.И. Марчук, в настоящее время Академию возглавляет математик Ю.С. Осипов.

Академия всегда, особенно в дореволюционное время, была элитарным учреждением — в 1917 году в ней было всего 44 академика и 33 члена-корреспондента. Причем, с начала XIX века упразднили равенство между званиями «академик» и «член-корреспондент». Если раньше членами-корреспондентами были те же академики, но проживающие вне Санкт-Петербурга, то теперь члены-корреспонденты — это первая ступень, из них, как правило, избираются действительные члены.

В 1917 году в системе Академии, помимо библиотеки, архива, типографии, словолитни и книжного склада, работали институт (Кавказский историко-археологический), 19 лабораторий, станций и музеев, 21 академическая и приакадемическая комиссии.

В 1925 году РАН была переименована в АН СССР, а в декабре 1991 года, после известных событий, вернула себе старое название — Российская Академия наук.

В 30—40-е годы отмечен бурный рост учреждений АН не только в столице, но и на периферии: в 1932 году создается Уральский филиал АН СССР (УФАН СССР), спустя 11 лет, в 1943 году — Западно-Сибирский филиал. А вот первое отделение АН СССР было создано в Сибири, Уральское отделение открывается лишь 30 лет спустя, в 1987 году. Опыт сибиряков брался на вооружение и Уральским, и Дальневосточным отделениями как оптимальный вариант для периферии.



В день открытия Уральского научного центра АН СССР.

Слева направо: член-корреспондент АН СССР С. В. Карпачев, академик С. С. Шварц, президент АН СССР М. В. Келдыш, академик Н. Н. Красовский, академик С. В. Вонсовский, член-корреспондент АН СССР Я. С. Шур. С фотографии 1971 года

В настоящий момент РАН состоит из 18 специализированных отделений по отраслям наук, 12 научных центров, 3 региональных отделений (Дальневосточное, Сибирское и Уральское). Всего в составе РАН 355 научных организаций. Общая численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками — 114 000 человек, в том числе 53 300 научных сотрудников. В Академии работают 455 академиков, 672 члена-корреспондента, 8 953 доктора и 26 427 кандидатов наук. За годы реформ потери РАН составили 13% научных сотрудников.

К июньским торжествам в Москве будет выпущено специальное юбилейное издание, где будут перечислены все члены РАН, состоявшие в ней за 275 лет, будет рассказано обо всех ее президентах — от первого Блюментроста до великого князя Константина и сегодняшнего — академика Юрия Сергеевича Осипова. Оживет богатейшая история РАН, а история науки — это борьба идей, это неустанный поиск, это тяжелый, увлекательный, радостный труд и это новые знания и новый взгляд на, казалось бы, давно известные вещи.

Каковы же уроки столь длительного существования Академии наук в России?

Прежде всего РАН может гордиться непрерывной, вызывающей уважение традицией — при всех политических режимах Академия наук сохраняла демократическую традицию избрания своих членов исключительно за общепризнанные научные заслуги. В истории Академии был период, когда утверждение избранных ее членов осуществлялось высочайшей властью, были эпизоды, когда этот демократический механизм оценки научных заслуг не срабатывал или когда свирепость власти вынуждала науку уступить — это все по-человечески понятно. Но мне хотелось бы подчеркнуть значение этической нормы, не искаженной наслоениями традиции, которая постоянно возобновлялась и, следуя законам воспроизводства научного знания, все-таки побеждала.

Напомню лишь один эпизод, связанный со знаменитой эпиграммой Пушкина «В Академии наук...» Когда поэт узнал, что президент Академии граф С.С. Уваров представил царю на утверждение вице-президентом кандидатуру князя М.А. Дондукова-Корсукова, у которого не было никаких научных трудов, и царь утвердил его, то Пушкин прокомментировал это так:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому, что есть чем сесть.

Второй урок заключается в том, что на протяжении всех лет своего существования Академия была важнейшим каналом социальной мобильности в российском обществе и силой, ломавшей сословную кастовость, привилегии «породы», богатства или близости к власти. Пример М.В. Ломоносова, нашего первого признанного национального гения «большой науки», в дальнейшем воплощался в сотнях примеров.

Ведь Ломоносов, в 20 лет впервые севший за парту в Москве, в 35 ставший профессором, а в 42 избранный академиком, писал: «Тот студент по-

чтеннее, кто больше знает, а чей он сын — в том нет нужды». Представляете, такие высказывания в середине XVIII века, хотя и сегодня, в конце XX века, мы отлично знаем, сколь немаловажно, чей он сын...

И ему, Ломоносову, принадлежат известные всем нам со школы знаменитые строки, что «...может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать!»

И не символично ли, что спустя несколько десятилетий в России рождается Александр Пушкин, 200-летие которого мы тоже отмечаем в эти дни. «Пушкин — есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет», — писал Н.В. Гоголь.

Вот и прошли 200 лет, и настало время посмотреть, имеем ли мы возможность приблизиться к Пушкину и понять, в чем же он все-таки опережает нас. Поэту и критику Аполлону Григорьеву принадлежат слова: «Пушкин — это наше все». «Все» — это не только истины, постигнутые русским народом, его взлеты, победы, достижения, но и его ошибки, грехи, поражения, утраты смысла жизни.

Когда Пушкин учился в Лицее, он был посредственным (четвертый с конца по итоговому списку) учеником, что, впрочем, не помешало ему и при жизни иметь славу выдающегося историка, философа, литературоведа, писателя и поэта мирового значения. И как мыслитель, как критик он намного опережал свое время.

Ученый начала XIX века и ученый конца XX века находятся в разных положениях. Наука в XX веке — «наука в себе», во времена Пушкина исследователь находился в идиллическом состоянии: он верил в прогресс, ему казалось, что наука вот-вот предстанет в законченном виде. Сейчас, в конце XX века, стало очевидно, что неизвестности становится все больше и больше.

Творческий гений Пушкина сочетал стремление к открытости, независимости (характерное для XX века) и в то же время умение найти в этой незавершенности стабильность, духовные опоры, что характерно больше для XIX века.

Пушкин отнюдь не восторженно относился к жизни, но это не отменяло абсолютной ценности жизни, ощущение самоценности каждого мгновения:

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет,
То будет мило.

Такое ощущение быстротечности времени более характерно для стремительного XX века, чем для неспешного XIX века.

К Пушкину всегда пытались «пристроиться» — и при жизни, и — особенно — после смерти. При жизни у него были довольно сложные отношения с властью. Пушкин знал, чего на самом деле стоят власть предержащие, это отразилось в сотнях его эпиграмм, и не случайно власть тоже настороженно, с недоверием относилась к поэту. Лишь после смерти он оказался вполне респектабельным и даже официальным поэтом. Его — в зависимости от ситуации — превращали то в либерала, то в демократа, то

в монархиста, то в революционера (и чуть ли не в коммуниста — у Кирпотина была статья «Пушкин и коммунизм»), то в атеиста, то в язычника, то в святого, то в грешника, то в космополита, то в патриота, то в идеалиста, то в материалиста...

Но истина в том, что сам Пушкин не был подвластен никаким стереотипам («односторонность есть пагуба мысли»), он ни то, ни другое, ни третье. Он всегда оставался самим собой. Пушкин всегда имел мужество идти своим собственным путем. И этот путь позволял ему видеть глубже и дальше, чем другим людям.

В конце жизни (1833—1835), уже будучи академиком, он пишет «Путешествие из Москвы в Петербург», содержащее полемику с А.Н. Радищевым, его известным всем нам произведением «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). Пушкин проделывает путь в другом направлении (не только в пространственном, но и в духовном), это его личный путь, позволивший ему понять разные стороны российской действительности, и его взгляд оказался более широким, чем взгляд Радищева. В отличие от Радищева, Пушкин увидел не «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй» (это все для Пушкина только «полуистины»), а жизнь частного человека. Он заметил позитивные стороны в жизни и деятельности русского крестьянина, увидел рост промышленности и развитие просвещения, позитивные примеры в деятельности местного начальства и правительства. С какой симпатией пишет он о крестьянском быте: наш крестьянин 3 раза в день моет руки, а в субботу — баня. В каждом хозяйстве обязательно корова. На Западе корова — роскошь, а русские без нее не представляют жизни. Иностранцы едут из Москвы в Петербург, останавливаются на ночлег, и простые крестьяне, не зная ни французского, ни английского, договариваются обо всем, все спокойно и мирно решают. «Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения, — пишет Пушкин, — конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества». Я никогда не подозревал, что Пушкин мог писать именно так — «потрясений политических».

А отношение Пушкина к Ломоносову и Тредиаковскому, когда он polemизирует с Радищевым? Так, Радищев пишет, что Ломоносов — гений, но оды его тяжеловесны и мало кто будет их читать. Пушкин ему отвечает, что Ломоносов — величайший химик, математик, физик, но никак не величайший поэт, более того, называет Ломоносова «чиновником в поэзии» и отдает предпочтение Тредиаковскому. «Свой путь» Пушкина проявлялся и в его мировоззренческих представлениях: «Сердцем я — материалист, но разум мой этому противится», хотя общепринято, традиционно считается, что материализм как раз принимается разумом.

Пушкин стремился увидеть в жизни гармонию и воплотить ее в своем творчестве. Если доминантой творчества Достоевского является рефлексия, Чехова — разочарование, Льва Толстого — морализаторство (кстати, Л. Толстой писал, что пушкинская проза и поэзия — удел богатой публики, хотя в дневниках восторгался: «Семь раз перечитал «Повести Белкина». Какое чудо!»), то доминанта творчества Пушкина — гармония. Особо важна для него гармония в социальной жизни. В народовластии поэт

не только не видел залога правды и порядка, но страшился его не меньше, чем самовластия тирана — и в этом он опережал свой век, что стало очевидно лишь в конце XX века («Зависеть от властей, зависеть от народа — не все ли нам равно»). Свобода — не плод народного самоуправства и не результат «общественного договора», но результат воплощения в социальной жизни «естественного закона», истины... «Для Пушкина драгоценна именно вольность народа, а не его власть» (Г.П. Федотов).

Пушкин и применительно к творчеству отстаивал абсолютную независимость, суверенность творца и его дела, ограждал его «непосвященных». Он предвосхитил диалектику свободы, которая будет осознаваться лишь в конце XX века:

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
(Из Пиндемонти)

Только сегодня — в канун XXI века, период расцвета СМИ — мы можем понять то, что ясно ощущал поэт: свобода, ставшая доступной массам «неквалифицированных индивидов» (Ортега-и-Гассет), эксплуатируемая диктатурой посредственности, стесняет жизненное пространство честного человека, засоряя общественное пространство «балагурством». Если XX век был веком тоталитарных режимов, кровавых диктаторов, прикрывавшихся «интересами народа», то XXI век вполне может стать веком «правителей-балагуров», вооруженных не «журнальными замыслами», а новейшими СМИ (кандидаты в такие «правители-балагуры» уже имеются и за рубежом, и особенно у нас в России). Вернуть свободу человеку можно только сократив свободу «балагуров». Как бы ни была священна свобода в глазах Пушкина, он ставит вопрос об ее ограничении в пользу «просвещенности» и «просвещенных», в защиту истинных основ гражданской жизни, чему, несомненно, должна служить и наука:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух!
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай — Бог-изобретатель.

Эти пророческие слова Пушкина предвосхитили появление мощной плеяды выдающихся ученых России: Пирогова, Чебышева, Ляпунова, Сеченова, Мечникова, Зимина, Менделеева, Бутлерова, Жуковского, Чаплыгина, Струве, Бредихина, Бэра, Лобачевского, Ленца, Попова, Столетова, Лебедева и, конечно же, Павлова, 150-летие со дня рождения которого сегодня отмечает весь просвещенный мир.

Происхождение Ивана Петровича Павлова не содержит никакого намека на будущее великого ученого. Он родился 27 сентября 1849 г. в Рязани, бывшей в те годы глухой провинцией, в семье священника. Павлов окончил местную духовную семинарию, о которой впоследствии

вспоминал с большой теплотой. На последнем курсе семинарии он прочитал небольшую книгу «Рефлексы головного мозга» профессора И.М. Сеченова, которая перевернула всю его жизнь. С волнением он читал: «Все многообразие мозговой деятельности сводится, в конечном итоге, к одному — мышечному движению. Действительно, смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к Родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, сочиняет ли Ньютон свои законы и пишет их на бумаге — везде конечным фактом является мышечное сокращение». Так просто писать о сложных вещах! О продолжении карьеры священнослужителя не может быть и речи, только в Петербург, к Сеченову! Павлов окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и медико-хирургическую академию. Сеченов в то время увлеченно работал над изучением явлений торможения в нервной системе и в одной из статей пишет, что, судя по результатам его опыта «Белой дамы», развивающееся в мозгу торможение является активным и нисходящим. Павлов, волнуясь, спрашивает у И.М. Сеченова, что это за «Белая дама»? Оказывается, что Сеченов сделал открытие тормозных центров в мозге в то время, когда был женихом. Однажды, вернувшись с невестой из Мариинского театра, где в тот вечер шла опера французского композитора Боульдье «Белая дама», он пошел в свою домашнюю лабораторию и решил поставить несколько опытов на лягушках. Обнажил у них мозг и стал последовательно наносить «раздражение кусочками винно-каменной соли, однако наблюдалось лишь ускорение времени сгибательных рефлексов, т.е. развивалось возбуждение». Но вот кусочек соли помещен на внутреннюю, медиальную, часть зрительного бугра — это вызвало торможение рефлекса. После 10 последовательных опытов Сеченов понял, что сделал открытие центров торможения в мозге, которое позже получило название «Сеченовское торможение», а сам автор в честь невесты и прекрасного вечера назвал свой опыт «Белой дамой».

Любопытно, что когда канадские исследователи мозга Горацио Мэгун и Джузеппе Моруцци в 1963 году получали Нобелевскую премию за открытие функций ретикулярной формации мозга, то они напомнили о том, кто стоял у истоков проблемы: «Не мы открыли, а все началось с опыта «Белой дамы» И.М. Сеченова».

Павлов, как последователь Сеченова, много занимался нервной регуляцией. В одном из выступлений я уже отмечал, что Сеченову из-за интриг пришлось переехать из Петербурга в Одессу, где он некоторое время работал в университете. Его кафедру в Медико-хирургической академии занял Илья Фаддеевич Цион, и Павлов перенял у Циона виртуозную оперативную технику. Павлов вспоминал, что в один из новогодних дней он со своим товарищем, студентом по фамилии Великий (впоследствии В.Н. Великий — профессор Томского университета), оперировал собаку, стараясь выделить усиливающий работу сердца нерв. Несколько часов ищут нерв (собака под наркозом), но ничего не получается. В это время И.Ф. Цион, жена которого была дочерью миллионера, в коляске на тройке лошадей едет на новогодний бал. В 11 вечера видит, что в окне физиологической лаборатории горит свет. Он заходит во фраке, в перчатках и спрашивает: «В чем дело, господа-сту-

денты?» — «Да вот, нерв не можем выделить». Он говорит: «Одну секундочку, дайте пинцеты». Руками в белых перчатках взял два пинцета, разделил ткани, выделил нерв. «Так вот он, голубчик! С Новым годом, господа!» — и уехал. С тех пор, когда Павлов хотел сделать кому-нибудь комплимент за хорошую работу, то говорил: «Руки у тебя, брат, как у Циона!» Для чего я об этом вспоминаю, — чтобы ясно было, что помогло ему в разработке новых методических подходов.

Павлов более 10 лет посвятил тому, чтобы получить фистулу (отверстие) желудочно-кишечного тракта. У других это получалось плохо, так как изливавшийся из кишечника сок переваривал кишечник и брюшную стенку. А Павлов так ловко сшивал кожу и слизистую, так умело вставлял металлические трубки и закрывал их пробками, что никаких эрозий не было, и он мог получать чистый пищеварительный сок на протяжении всего желудочно-кишечного тракта — от слюнной железы до толстого кишечника, что и было сделано им на сотнях экспериментальных животных. За 10 лет Павлов, по существу, заново создал современную физиологию пищеварения.

В 1903 году 54-летний Павлов приехал на международный физиологический конгресс в Мадрид. Его доклад был после выступлений американцев, немцев, французов. Горячо обсуждали методы и их усовершенствование при исследовании системы пищеварения, так как существующие: с заглазыванием животным специальных губок, смоченных бульоном, с последующей их эвакуацией и исследованием, никого не устраивали. Доклад Павлова произвел фурор: на протяжении часа он рассказывал, где и как выделяются пищеварительные соки, какого качества и в каком количестве на различные раздражители. И в следующем, 1904 году, Нобелевская премия за исследование функций главных пищеварительных желез была вручена королем Швеции российскому ученому, академику Ивану Петровичу Павлову, — он стал первым российским Нобелевским лауреатом.

В дальнейшем Павлов использовал фистульный метод для изучения высшей нервной деятельности. Он видел, что при воздействии на организм различных раздражителей из фистул выделяется пищеварительный сок: перед собакой ставят миску с мясом — сок выделяется; подносят хлеб — сок выделяется. Это понятно — безусловные пищевые раздражители. А если так: подносим мясо и одновременно включаем свет (условный раздражитель), 10—12 сеансов и уже на одно включение света выделяется сок, т.е. условный раздражитель заменил безусловный. Почему?

Создание учения о высшей нервной деятельности стало вершиной научного творчества Павлова. В статье «Естествознание и мозг» он очень образно констатировал состояние этой проблемы до начала своих исследований: «Неудержимый со времен Галилея ход естествознания заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, вообще говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру».

Последние 35 лет своей жизни Павлов посвятил изучению высшей нервной деятельности (поведению) животных. Итогом стало создание грандиозного по глубине мысли и смелости учения, центральным пунктом которого являлось понятие условного рефлекса, образующего вре-

менную, переменчивую связь организма с внешним миром и обеспечивающего приспособление организма к меняющимся условиям внешней среды. Это был революционный момент в истории развития науки о высшей нервной деятельности. Механизм условного рефлекса — это центральный механизм поведенческой деятельности, и удивительно, что сложнейшие законы нервной деятельности были установлены на основе чрезвычайно простого методического подхода — всего лишь путем количественного измерения выделяющейся слюны, путем изучения работы, как любил выражаться Павлов, «плеевой» железы.

Оценивая итоги исследований по физиологии высшей нервной деятельности, И.П. Павлов писал: «Да, я рад, что вместе с Иваном Михайловичем Сеченовым и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования весь нераздельный животный организм. И это — целиком наша неоспоримая русская заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли». Последние слова выражают патриотические чувства Павлова. Ему был присущ патриотизм высокой пробы, независимый ни от какой конъюнктуры. В 1919—1920 годах, в период разрухи, Павлов, терпя нищету, отсутствие финансирования научных исследований, отказался от приглашения Шведской Академии наук переехать в Швецию, где ему обещали создать самые благоприятные условия для жизни и научных исследований, причем в окрестностях Стокгольма планировалось построить по желанию Павлова такой институт, какой он захочет. Павлов ответил, что из России он никуда не уедет. Затем последовало соответствующее постановление, и Павлову построили великолепный институт в Колтушах, под Ленинградом, где он и проработал до 1936 года.

Причем Павлов — один из немногих ученых, которые оставили научное завещание. Дело в том, что в 1935 году в Ленинграде проходил XV Всемирный конгресс физиологов, на котором Павлов был провозглашен «старейшиной физиологов мира». И вот молодежь, комсомольцы обратились к нему с вопросом: «Что бы вы могли пожелать молодежи нашей страны, которая хочет заниматься наукой?» И Павлов своим убористым почерком написал на двух страницах письмо, которое опубликовали в журнале «Техника молодежи» (1935) и в сборнике «Поколение победителей» (1935), посвященном X съезду ВЛКСМ. Письмо очень интересное и некоторые выдержки из него я приведу, завершая свое выступление.

Итак, «что бы я хотел пожелать молодежи моей Родины, посвятившей себя науке?

Прежде всего — последовательность. Об этом важнейшем условии плодотворной научной работы я никогда не смогу говорить без волнения. Последовательность, последовательность и последовательность.

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты. Как не совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — вот воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.

Второе — это скромность. Никогда не думайте, что уже все знаете. И как бы высоко не оценивали вас, всегда имейте мужество сказать себе: я невежда.

Не давайте гордыне овладеть вами, из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно согласиться, из-за нее вы откажитесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за нее вы утратите меру объективности.

Третье — это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то и их не хватило бы вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях!»

И последнее. В начале нашего столетия Антон Павлович Чехов (кстати, почетный академик РАН) на юбилее МХАТа сказал, что глубоко благодарен судьбе за то, что в жизненном море повстречал такой прекрасный остров, как Московский художественный театр. И мне кажется, что мы с полным правом можем, слегка перефразировав эти слова, сказать: «Мы глубоко благодарны судьбе, что в безбрежном, штормовом, не всегда благополучном океане сегодняшней жизни нам выпало счастье повстречать этот огромный, необъятный, во многом еще непознанный, независимый, свободный, притягивающий и прекрасный материк с таким простым, гордым, эффектным, уважаемым, известным всему миру названием — Российская Академия наук!»

С праздником, дорогие коллеги и друзья!

Спасибо за внимание!